Текст · 16 марта 2025, 09:55

«От первой Чечни у меня воспоминания как о концлагере». История зачистки и фильтрации в селе Самашки — отрывок из книги про общество «Мемориал»

В казахстанском издательстве *Ricochet* вышла книга историка Сергея Бондаренко «Потерянные в памяти», посвященная истории и современности общества «Мемориал». С первых же лет общество функционировало в двух переплетенных ипостасях: исторической и правозащитной. С конца 1980-х сотрудники «Мемориала» параллельно исследовали советские репрессии и занимались мониторингом нарушений прав человека на постсоветском пространстве. Когда начиналась Первая чеченская война, они работали в составе «Миссии неправительственных организаций в зоне вооруженного конфликта в Чечне и Ингушетии», более известной как «группа Ковалева». «Медиазона» публикует фрагмент книги «Потерянные в памяти», посвященный одному из самых жутких эпизодов той войны — зачистке села Самашки и последующей фильтрации его мирных жителей. Обе эти практики спустя почти 30 лет российские войска широко использовали в Украине.

Одним апрельским утром 1995 года Александр Гурьянов[1] проснулся в тот момент, когда Андрей Блинушов[2], спавший на соседней койке, резко вскочил и в один прыжок перелетел через кровать своего напарника. Приземлившись, Блинушов мгновенно сел и прижался спиной к противоположной стене. Оказалось, что где-то неподалеку прогремел взрыв, мгновенно включивший профессиональную реакцию у бывалого Блинушова и даже не разбудивший Гурьянова. Это было их первое совместное утро в Серноводске — селе на границе Ингушетии и Чечни, к которому из Грозного после начала войны стянулись тысячи беженцев.

После штурма Грозного представители группы Ковалева взяли на себя задачу установить наиболее близкую к реальности цифру потерь среди мирного населения. По количеству разрушений и интенсивности бомбардировок было понятно, что речь идет о тысячах человек, но никакой, даже приблизительной, официальной статистики не было: ни с российской, ни с чеченской стороны ее просто никто не вел. Чтобы собрать хоть какие-то данные, решили попытаться опросить оставшихся в живых, сопоставить разные цифры по районам города и свести их в общий список — настолько широкий, насколько возможно[3]. <ÿ.ÿ

К апрелю работа шла несколько месяцев — для Блинушова это была уже не первая командировка. Характер необходимых действий и рабочие планы часто менялись: «Методика нащупывалась на ходу». Конфликт набирал обороты, и федеральные власти,

продолжая отрицать саму возможность партизанской войны на территории Чечни[4], приступили к «зачисткам» населенных пунктов. Военным с афганским опытом этот метод был знаком: он подразумевал массовый террор, неизбирательное применение силы, повальные аресты молодых мужчин и отправку их на «фильтрацию»; все это — под предлогом выявления участников «незаконных вооруженных формирований» среди мирных жителей.

Первым большим селом, подвергнувшимся зачистке, стали расположенные в нескольких километрах по шоссе от Серноводска Самашки. До начала войны там жило почти 14 с половиной тысяч человек. Уже к апрелю, спустя меньше чем полгода, в селе осталось около 5-6 тысяч жителей. Расстояние от Самашек до ингушской границы было столь невелико, что когда артиллерия стреляла по селу (сами факты таких обстрелов, впрочем, долгое время официально отрицались), в приграничных ингушских деревнях в окнах дрожали стекла.

Село считалось симпатизирующим «сепаратистам», однако по многочисленным свидетельствам, собранным «Мемориалом» в следующие месяцы, никакого организованного сопротивления, никаких «боевиков» в Самашках в начале апреля 1995 года не было — они покинули село по договоренности с местными жителями, чтоб не подставлять мирное население под удар. Как впоследствии рассказывал член группы Ковалева Олег Орлов, жители Самашек пытались избежать штурма — или, как называли его некоторые свидетели, «карательной операции». Несколько встреч военных со старейшинами

Самашек закончились ультиматумом: от сельчан потребовали сдать 264 автомата, два пулемета и одну машину БМП. Ровно столько вооружения, по информации российской военной разведки, было в распоряжении повстанцев и отрядов местной самообороны.

У мирных жителей Самашек столько оружия не нашлось, и 7 апреля началась «военная операция». «Мы тогда не видели никакого ответного огня со стороны села. Но видели расстрел из танков, которые легко выбирали для себя цели, стреляя с предгорий», — вспоминает Блинушов. Чтобы наводить артиллерию, фронтовая авиация сбрасывала на село гигантские светильники: «Огромные такие заряды, их сбрасывали с парашютами, и они создавали над селом слепящий свет. Долго висели, десятки минут».

В тот момент Блинушов и его коллеги могли наблюдать происходящее только издалека: российская армия закрыла вход в Самашки для международных наблюдателей и группы Ковалева. Всем им пришлось иметь дело уже с последствиями зачистки.

* * *

Через несколько дней из Самашек через специальный коридор стали выпускать мирных жителей. Выходили в основном женщины и старики — молодых мужчин прятали, боясь эксцессов со стороны российской армии. Жителей Самашек встречали и опрашивали члены группы Ковалева, собирая у них информацию. Что случилось? Погиб ли кто-то из

знакомых или близких? Где, когда, как? Забрали ли кого-то на «фильтрацию»? <ÿ.ÿ

Подробная реконструкция операции в Самашках представлена в почти 88-страничном докладе «Мемориала», который называется «Всеми имеющимися средствами»: он впервые был опубликован в сентябре 1995 года по итогам большого расследования. Доклад последовательно излагает историю переговоров между военными и жителями села, подробно описывает зачистку, приводит свидетельства очевидцев из числа выживших, а также анализирует позицию федеральных властей. При этом в докладе все равно нет ни полной истории ввода войск в село и их выхода из Самашек, ни, что не менее важно, рассказа о том, как авторы собирали материал, пытаясь восстановить сценарий зачистки и остановить продолжавшиеся после нее пытки и убийства.

«Разумеется, мы не могли писать в докладе всего, — объясняет Блинушов. — Многие из нас оставались там, на месте, продолжали работать. Очень многие из тех, кто нам помогал из местных, оставался там жить. Военные, сочувствующие нам (а такие были), продолжали служить». С тех пор прошло почти 30 лет. «Многие еще живы, многие живут в России», — говорим мы друг другу, и переходим к тем частям истории, которые представляют для живых свидетелей и участников наименьший риск.

* * *

Представители «Мемориала» попали в Самашки только спустя несколько дней после окончания

зачистки. Передвигаясь от дома к дому, они записывали свидетельства о случившемся. Кто-то не решался пускать гостей или выходить к ним — и говорил из-за закрытой двери. Кто-то пускал — и показывал следы от пуль и пятна крови на стенах. Сельское кладбище продолжало обстреливаться, поэтому погибших хоронили «временно», прямо в огородах. На фотографиях в докладе множество обезображенных тел — с половиной головы, огромными дырами в животе, полусожженных, в «-позе боксера[5]».

Чеченские дети на руинах разрушенного дома в Самашках. Фото: Reuters

Осматривал захоронения и вел учет убитых Александр Гурьянов. Я спрашиваю, как он, человек «без опыта», тогда на все это реагировал. «На трупы? — Гурьянов делает паузу, как будто не очень понимая, о чем я его собственно спрашиваю. — Ну, я мысленно готовился, сосредотачивался на своей задаче: составить список. Я обычно действую так — собираюсь и делаю то, что могу и умею».

В доклад и публикации вокруг него попали десятки записей, запротоколированных и расшифрованных с разной степенью подробности.

«Я, Бетерханова М.М., заявляю, что убит мой отец Исаев Мусаит, 1924 г.р. (*уложен в автомобильную яму и застрелен — по сведениям ПЦ "Мемориал"*). Сожгли мой

дом на две семьи, имущество забрали. Я осталась с четырьмя детьми без крова и одежды[6]».

Салавди Умаханов: «Открывают дверь: "Живой кто есть?". Есть, выходим (*во двор — авт. докл.*). Их было четыре человека. "Суки, ложитесь! Суки, ложитесь!" — Мы легли. Нас обшарили. Тут сзади один кричит, мне говорит: "Там остался кто?" Я говорю: "Нет". "Бери заложников", — сзади кричит. Меня заводят обратно туда. Никого нет. Выходим. "Суки, в яму! Суки, яма!" Нас загоняют туда (*в яму в гараже для ремонта автомобиля — авт. докл.*). Машина <сейчас, в момент рассказа> стоит, как тогда стояла. Насруддин первым залез. Вон туда встал, к стене. Да, да, к дальней стене. Мы втроем тут стоим. Я говорю: "Нас убивать сюда ставят". Ну, я почитал там молитву. У нас эти стоят, солдаты. Муса говорит: "Ребята, не стреляйте. Скотину кормить надо... Не стреляйте". Исаев на третью ступеньку шагнул. Двое солдат... Наставили на него автомат. Толкали туда его так. Да, он не успел спуститься. Моментом оттуда автоматную очередь ему дал. Мы только спустились и только нагнулись — эти вторую пустили очередь». На момент публикации доклада автор этого рассказа был жив, двое его родственников погибли.

Согласно подсчетам, попавшим в итоговый доклад, в Самашках было убито 103 человека (при этом авторы оговариваются, что это минимальная подтвержденная цифра — вполне вероятно, погибших было больше). «Мемориал» зафиксировал случаи расстрелов в домах, в подвалы, где прятались жители, бросали боевые гранаты. Часть жертв умерли не сразу — больше трех дней в Самашки не пускали врачей, так что раненых невозможно было вывезти.

* * *

«Я расскажу вам о фильтрационном пункте в Моздоке», — говорит Андрей Блинушов. В докладе этот эпизод занимает четыре с половиной страницы, однако в основном состоит из свидетельств задержанных, без описания действий правозащитников.

Многих мужчин, далеко не только молодых, в ходе штурма Самашек военные вытаскивали из домов и забирали с собой для «проверки» на причастность к вооруженному сопротивлению.

«Их в три штабеля, в три слоя укладывали в грузовики друг на друга, сверху клали доски и садились прямо на них, — с прежним спокойствием, делая небольшие паузы, давая мне возможность осознать услышанное, рассказывает Блинушов. — Десятка полтора человек конвойных, с собаками. Помните битву на Калке? Вот точно как после битвы на Калке[7]. Дорога до Моздока неблизкая, многие получили переломы и травмы, долго лечились. Были те, кто не пережил, умер прямо <в грузовиках>».

«Фильтрационным пунктом» в Моздоке служили сцепленные между собой тюремные железнодорожные вагоны, которые в обычное время использовали для «этапов» — перевозок заключенных из одной колонии в другую. Само наличие подобных военных тюрем отрицалось официальными властями, поэтому их мобильная версия была особенно удобной: если кому-то из правозащитников или журналистов удавалось выяснить вероятное местоположение вагонов, они могли быстро переехать на новое место. Пункт в Моздоке был далеко не единственным, но его выделяло расположение на территории Северной Осетии (а не Чечни).

Там же, в Моздоке, были расквартированы армейские части, которые отправляли в Чечню воевать. Порядки в штабе не слишком отличались от тех, что были заведены в «фильтрационном пункте». «Собственно говоря, от первой Чечни у меня воспоминания не столько как о войне, сколько как о концлагере, потому что нас били <собственные офицеры>, — рассказывал солдат, часть которого располагалась в Моздоке как раз весной-летом 1995-го. — Если десять раз за день по башке не получил, то день прошел зря».

Как группе Ковалева удалось узнать о расположении фильтрпункта, Блинушов рассказать не может, но подробно описывает, как действовал на месте. Приехал он в Моздок вместе с самим Ковалевым — они добрались до фильтрпункта на такси и провели там весь день.

«Никого из внешних наблюдателей до того там не было. Когда мы явились, для них это было

полной неожиданностью, они не знали, что им делать», — рассказывает Блинушов. Несмотря на то, что весь визит был чистой импровизацией, оба правозащитника оказались готовы отыграть необходимые роли. Сергей Ковалев сочетал в себе два очень разных амплуа. С одной стороны, он был «-начальником[8]», выгнать которого даже из секретной военной тюрьмы с ее абсолютным бесправием было не так просто. С другой, продолжает Блинушов, «его опыт зэковский очень пригодился». Ковалев был политзаключенным со стажем — и когда в Моздоке их встретили люди в масках и в военной форме без всяких знаков отличия, он очень быстро разобрался, увидел и почувствовал местную иерархию, понял, с кем и как нужно говорить.

Ковалев начал «решать вопросы» с начальством, требуя от него соблюдения элементарных формальностей. «Где журнал прибытия?» (то есть список заключенных). «Представьтесь, пожалуйста, — с кем я говорю?» Правозащитники не знали не только имен или званий, поначалу они не понимали даже формального статуса своих собеседников — это армия? МВД? Спецслужбы? ФСИН?

Шествие «Марш мира» от Серноводска к Самашкам после зачистки села. В марше приняли участие солдатские матери, пацифисты и буддисты, в том числе монахи из японского ордена Ниппондзан Меходжи. Фото: из архива Федора Шведовского / «Мемориал»

Параллельно в дело вступил Блинушов, который ждал Ковалева в коридоре у кабинета, прямо рядом с клетками заключенных, направленных на

«фильтрацию». «Там внутри месиво, десятки людей, — вспоминает он. — Окон нет, все заделано. Окна только внутрь, в коридор. Людям дышать нечем». Сначала Блинушов задавал людям в клетках короткие вопросы, затем ему удалось передать им бумагу и ручку, а в конце концов — и закинуть в камеру диктофон, на который они «много всего наговорили». Так через несколько часов у правозащитников был подробный список людей, попавших в фильтрпункт, и описание некоторых сопутствующих обстоятельств.

«Конечно, их там били, конечно, пытали». В какой-то момент в дело даже пыталась вмешаться местная прокуратура: «Так один из прокурорских, — продолжает Блинушов, — в тот же фильтрационный пункт и попал, заключенным».

Федералы без знаков отличия оказались сотрудниками ФСИН и МВД: «Они сами себя так и называли: мы — менты». Списков задержанных у них не было, «пока они не отфильтрованы». Сама логика работы силовиков напомнила мемориальцам знакомую афганскую практику неизбирательного насилия против повстанцев на чужой территории. То, что территория формально чужой не была, а задержанные в абсолютном большинстве не имели при себе оружия, никого не интересовало.

И все же большую часть задержанных удалось спасти. В течение нескольких часов группа Ковалева смогла передать информацию и список в головной офис «Международного Красного Креста», одновременно отправив к фильтрационному пункту журналистов нескольких больших изданий с

требованием комментариев и призывом действовать. Уже на следующий день туда нагрянула (Блинушов вспоминает это и улыбается) «вся королевская конница. Большие красивые машины с развевающимися флагами МКК и журналисты, журналисты». Огласка смогла изменить почти безнадежную ситуацию. 65 человек из 83-х отпустили без всяких обвинений, еще 12 — обменяли на российских солдат.

То, что творилось в тюремных вагонах в Моздоке, произвело на Андрея Блинушова большое впечатление. Закрытая пыточная тюрьма, федералы без званий, старшие — с неизменными псевдонимами: «Никаких же баз не было, пробить человека было невозможно. А они все тогда были Ивановы, Сидоровы. Это изумляло. Как такое вообще возможно? Сейчас нет, уже нет, не изумляет».

Источник: Сергей Бондаренко. «Потерянные в памяти: общество "Мемориал" и борьба за прошлое в России». *Ricochet Press* при поддержке *Straightforward Foundation*. 2025.

Редактор: Мика Голубовский

---

1. Физик по первому образованию, занимался в «Мемориале» темой сталинских репрессий против поляков, «польской программой». — «Медиазона».

2. Рязанский историк, в 1980-е пять лет служивший в органах МВД, в том числе в Афганистане. Подал в отставку в знак протеста против силового разгона митинга избирателей 5 апреля 1989 года в Рязани. — «Медиазона».

3. Финальная цифра, представленная группой, — около 27 тысяч погибших мирных жителей при штурме, так и осталась единственной более или менее официальной. Ни со стороны федеральных сил, ни с чеченской стороны альтернатив ей не было.

4. О том, что вооруженное подполье в Чечне немногочисленно, партизанской войны нет и сопротивление вот-вот будет подавлено, представители федеральных сил заявляли неоднократно.

5. «Поза боксера» — труп с конечностями, полусогнутыми в локтевых, тазобедренных и коленных суставах; такой эффект возникает под воздействием высоких температур.

6. Цит. по Богатикова Н. Чьи выстрелы лжи циничнее и подлее? Или Мой дом сожжен до пепла, мой сын убит... // Архив общества «Мемориал».

7. Сразу несколько летописных текстов в различных сводах рассказывают о том, как после битвы у реки Калки, в 1223 году, одержавшие победу над объединенным войском древнерусских князей, татаро-монголы сели пировать на досках, под которые были уложены выжившие в битве князья и бояре.

8. В этот момент Ковалев уже не был уполномоченным по правам человека — его освободили от должности 10 марта 1995 года, но оставался депутатом Госдумы.